

© 2019

Ирина Петрова

кандидат исторических наук, доцент Московского Государственного Технологического Университета “СТАНКИН”, старший научный сотрудник Института экономики РАН

(e-mail: irkonst17@yandex.ru)

УСИЛЕНИЕ ЗАПРОСА НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК СЛЕДСТВИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

В статье рассматриваются некоторые аспекты влияния глобальных экономических потрясений конца XX—начала XXI вв. на представление о роли государства и концепцию «регулируемой экономики».

Ключевые слова: экономический кризис, финансовая пирамида, свободный рынок, государственное регулирование, капиталистическая модель, обеспечение занятости, кейнсианство.

DOI: 10.31857/S013128120007148-3

Концепция государственного регулирования экономики, в общем, стара как мир. Еще в древности делались попытки ввода государственной монополии на производство и торговлю наиболее прибыльными или стратегически важными товарами, устраивались зернохранилища для раздачи населению на случай неурожайного года, а также запрещались, ограничивались или облагались особыми сборами определенные виды деятельности (например, производство шелка в Византийской империи или виноделие в странах ислама).

Можно сказать, что идея управления экономическими процессами переживала подъемы и спады, причем последний из спадов пришелся на 70-90-е годы минувшего века; каждый подъем, то есть усиление регуляции, давал некоторый эмпирический материал — вопрос в том, насколько успешно удавалось этот материал обработать, осмыслить и использовать в будущем. Так, мировой кризис начала 1930-х годов фактически сформировал важнейшую цель государственного регулирования: сохранение полной занятости (дополненное рядом других социальных гарантий — как, например, бесплатное среднее образование и др.). Однако впоследствии важность этих идей оказалась сильно преуменьшена, и вся экономическая деятельность в развитых странах получила крен в сторону финансиализации.

Нельзя сказать, чтобы предупреждений об опасности такого курса не поступало. Например, эксперт в области организации промышленного производства, профессор Колумбийского университета С. Мелман неоднократно пытался привлечь внимание к проблеме перетекания финансовых ресурсов из производственного сектора экономики в спекулятивный. Еще в начале 1980-х гг. он указывал на обозначившуюся тогда же тенденцию к деградации материального производства: «Частные

управляющие и государственные администраторы получили образование, которое не дает им возможности решать исходную задачу, состоящую в организации людей для труда. В то же самое время производственная компетентность находится в упадке или является вторичной целью для частных управляющих, ориентированных на извлечение прибыли любыми средствами, и для государственных администраторов, которые стремятся усилить свою власть над военной экономикой.

Если так будет продолжаться, эти два аспекта американского управления определенно создадут индустриальную систему второго сорта, в которой все время будут происходить глубочайшие экономические кризисы и непрерывный распад. Более того, так будет происходить независимо от изменений в партиях, идеологиях или политическом руководстве. Это вполне обоснованный вывод из опыта почти четырех десятилетий развития после Второй мировой войны, в течение которых вышеописанные процессы распространились независимо от существенных изменений личностей и идеологий в администрациях обеих главных партий»¹.

Как отмечали впоследствии и другие авторы, общественное мнение и карьерные предпочтения молодежи в 1980–1990-х годах соответствующим образом перестроились: «Но реальная стоимость сбоев нашего вышедшего из-под контроля финансового сектора является, вполне вероятно, гораздо более высокой: их действия привели к растрате самого редкого ресурса — наших человеческих талантов. Я видел, что слишком много наших лучших студентов после получения диплома шли в финансовую отрасль. Они не могли сопротивляться притяжению предлагавшегося там огромного вознаграждения. В мои студенческие времена лучшие выпускники шли в науку или в медицину, занимались преподавательской и гуманитарной деятельностью. Они хотели с помощью своих мозгов изменить мир. ... Если только социальная отдача была бы сопоставима с частными доходами, то огромные вознаграждения, получаемые в финансовом секторе, отражали бы столь же огромные успехи в развитии общества. Иногда такое случается, но гораздо чаще этого не происходит. Не было этого и накануне нынешней катастрофы»². В приведенной цитате, как и во многих других источниках, под «катастрофой» подразумевается биржевой крах и банкротство крупнейших инвестиционных банков США в 2007–2008 гг.

Хотя эти события создали определенные трудности и в России, они в нашей стране не воспринимались и не описывались как катастрофа, хотя именно так и оценивались подавляющим большинством американцев. Такая разница в восприятии вполне объяснима с учетом предшествующего периода: на протяжении 1990-х годов США переживали экономический подъем, который выглядел как достойная награда победителю в «холодной войне», и не предполагалось серьезных проблем в будущем. В России же всё было наоборот: обвальное падение

¹ Сеймур Мелман. Прибыли без производства // М., Прогресс 1987 г. С. 400.

² Стиглиц Дж. Крутое пике / Гл.10. Как экономическая наука формирует общество и отдельных людей // М.: Эксмо, 2010.

производства, неоднократное обесценение рубля и обнуление сбережений. Таким образом, в нашей стране падение фондового рынка в 2007–2008 годов было понято просто как очередная волна экономических трудностей, а в США — как гибель иллюзии всеобщего благоденствия, требующая переосмысления прежнего опыта. И такие попытки были сделаны многими зарубежными авторами. На некоторых хотелось бы остановиться подробнее.

Вообще, череда финансовых кризисов, разразившихся в конце XX — начале XXI века, оказала сильное влияние как на оценку методов взаимодействия государства и бизнеса профессиональными экономистами, политологами и социологами, так и на общую теоретическую базу соответствующих дисциплин (что неудивительно, поскольку экономические потрясения затронули крупнейшие экономики мира и обошлись налогоплательщикам в триллионы долларов).

Так, первый по времени — «Азиатский кризис» 1997–1998 гг. — получил умеренное освещение в российских СМИ и массовым читателем воспринимался, в основном, как локальное явление, несмотря на его далеко идущие последствия. Он разворачивался на фоне продолжительной экономической стагнации одного из региональных лидеров — Японии и затронул, по скромным подсчетам, до полумиллиарда обитателей Восточной и Юго-Восточной Азии, приведя к оттоку инвестиций и волне банкротств. Одним из его результатов стало падение спроса на сырье и энергоносители, что в конечном итоге сказалось на российском экспорте, содействуя распространению кризисных явлений и на РФ.

Чуть позже — обрушение «пирамиды доткомов» в марте 2000 г., «ипотечный» кризис и банкротство ряда крупных инвестиционных банков в США в 2007–2008 гг. широко освещались в мировой прессе, а позднее — в научных работах. Дискуссия о причинах этих событий и о целесообразности принимаемых мер, как и общее осмысление этой темы, продолжается в научных кругах вплоть до настоящего времени. Надо полагать, что неослабевающий интерес поддерживается не только фактом затяжной, все еще не преодоленной рецессии в глобальной экономике, но и особенностями возникновения и развития кризисных явлений.

Характерно, что ни в 2000, ни в 2007–2008 годах они не были спровоцированы какими-то внешними событиями вроде крупных внешнеполитических конфликтов, природных катастроф или исчерпания жизненно важных источников сырья. Оба кризиса, как было установлено позже, развились в силу внутренних причин, которые, однако, по-разному оцениваются аналитиками. При этом, ввиду своей масштабности, они прямо или косвенно затронули множество стран, представители которых также оказались втянуты в обсуждение их хода и последствий.

Другой особенностью стало невмешательство государственных органов США на раннем этапе развития кризисов. Такая политика была обусловлена в основном влиянием монетаристского подхода, распространившегося в академической среде во второй половине XX века.

Помимо этого официальные расследования, предпринятые по итогам обрушения финансовых пирамид 2000–2008 гг., вскрыли такое количество злоупотреблений и прямого мошенничества, что вполне естественно встал вопрос о необходимости системной защиты от подобных явлений. По материалам официальных расследований был выпущен ряд аналитических обзоров, ставших бестселлерами, и даже сняты документальные кинофильмы, получившие широкую известность³.

Все это вполне закономерно не только подорвало доверие к банковскому сектору, но и поставило под вопрос обоснованность экономического курса, проводившегося правительствами (в первую очередь США и Великобритании) в предшествующий период. Ввиду того что долговременная политика жесткой экономии бюджетных средств, выделяемых на социальные нужды, резко контрастировала с обильной финансовой помощью, направляемой на спасение от банкротства крупнейших финансовых учреждений, общественность утвердилась в своем мнении относительно «жадных банкиров», воспользовавшихся финансовой дерегуляцией для «надувания биржевых пузырей».

В то же время, поскольку финансовая дерегуляция наряду с приватизацией государственных предприятий и сокращением бюджетных расходов уже давно входит в стандартный «пакет реформ», предлагаемый МВФ в качестве мер по оздоровлению экономики, то в дискуссии стали широко использоваться примеры стран Азии, Латинской Америки и Восточной Европы, имеющих подобный опыт, — а он, по крайней мере, неоднозначен.

Так, подводя итоги своей деятельности в России в качестве советника, Дж. Сакс, хотя и не отказывается от своих прежних рекомендаций, но пишет о «бездарно утраченных возможностях» и невыполненных обещаниях стран «большой семерки», не согласившихся даже на приостановку выплат России по внешнему долгу.

«С учетом исповедовавшегося Чейни и Вулфовицем мышления в духе игры с нулевой суммой мне представляется вероятным, что администрация президента Джорджа Буша-старшего и оборонный истеблишмент считали, что быстрое выздоровление России не отвечало интересам США... В качестве шага по содействию реформам Запад в апреле 1992 года объявил о выделении для России пакета помощи в размере 24 миллиардов долларов. Но это оказалось лишь одним из бесконечного потока обманчивых обещаний, которые богатые страны раздают бедным странам. На самом деле Россия почти не получила никаких реальных денег. Большую часть этих средств составляли краткосрочные займы по рыночным ставкам, позволявшие России покупать не слишком нужные для нее товары у американских и европейских поставщиков, имевших серьезные политические связи со своими правительствами. Так называемый 24-миллиардный пакет помощи представлял собой полную

³ Inside Job (Charles Ferguson, 2009), the Last Days of Lehman Brothers (Michael Samuels, 2009), Too Big to Fail (Curtis Hanson, 2011), Money for Nothing: Inside the Federal Reserve (Jim Bruce, 2013).

противоположность плану Маршалла, возродившему Европу. По плану Маршалла, Соединенные Штаты предоставляли Европе не краткосрочные займы, а субсидии... Стабилизация была достигнута лишь к концу 1990-х годов, после долгих лет высокой инфляции, за которыми последовал острейший кризис платежного баланса в 1998 году. Однако после этого экономика начала расти, причем довольно быстро — благодаря высоким международным ценам на энергоресурсы и слабой отечественной валюте, благоприятствующей экспорту»⁴.

При обсуждении причин кризиса представителями разных научных и политических направлений рассматриваются (хотя и неравномерно) такие его аспекты, как:

- финансовый (оценивающий действия финансовых регуляторов, направленные на предотвращение или ослабление кризисных явлений);
- производственно-отраслевой, отражающий влияние кризисных явлений на рост/падение производства в государственном или глобальном масштабе;
- политический (с точки зрения борьбы различных политических направлений и партий с их программами);
- международный (подразумевающий воздействие кризиса на изменение расстановки сил на международной арене, ослабление или упрочение позиций государств, (не)затронутых кризисом);
- организационно-правовой, оценивающий существующую практику государственного вмешательства в экономику, государственно-частного партнерства и международного экономического сотрудничества, а также действия международных организаций соответствующего профиля;
- социальный, охватывающий порожденные или усиленные кризисом проблемы безработицы, неравенства, бедности, упадка социальной инфраструктуры;
- морально-этический, оценивающий действия руководителей структур и корпоративного менеджмента с точки зрения профессиональной добросовестности и соответствия общепринятым морально-этическим нормам;
- научно-исследовательский, подразумевающий уточнение или пересмотр экономических теорий и методов прогнозирования, а также переоценку ранее принятых взглядов на функционирование политических систем и возможности управления рисками и инновациями.

Не удивительно, что обрушение финансовых пирамид вновь поставило на повестку дня вопрос о достижимости экономического равновесия, обеспечения полной (или близкой к этому) занятости, экономического роста и стабильности и возродило интерес к гигантам экономической теории первой половины XX века — Дж. М. Кейнсу и Дж. Гэлбрейту.

Как известно, Дж. М. Кейнс не дожил буквально нескольких лет до начала послевоенного экономического бума, который часто именуют «золотым веком капитализма» (“the Golden Age of capitalism”). По крайней мере, на четверть века его идеи овладели умами экономистов США и

⁴ Дж. Сакс. Конец бедности // М., Изд. Ин-та Гайдара, 2011. С. 168–169, 174.

Европы, после чего постепенно утратили популярность. Следующее поколение ученых и политиков вдохновлялось другими идеями, предложенными М. Фридманом — предполагаемой способностью рынка к саморегуляции и минимизацией государственного участия в экономике. Тем не менее в 2009 г. биограф и последователь Кейнса Р. Скидельски с огромным успехом издал посвященную ему книгу⁵, в которой содержался анализ текущей ситуации с кейнсианских позиций.

Проблема отношений между экономикой, политической властью и различными социальными группами вновь надолго попала в фокус общественного внимания.

Второй из столпов послевоенной экономической политики Дж. К. Гэлбрейт написал по итогам кризиса 2000–2001 года свою последнюю, довольно пессимистическую, работу — «Экономика невинного обмана». Она представляет собой в некотором роде итог его многолетних исследований процесса роста и усиления политического влияния промышленно-финансовых корпораций, «корпоратизации» американского общества⁶. Почти в то же время сын Джона Кеннета Гэлбрейта и продолжатель его дела, Джеймс Кеннет Гэлбрейт, опубликовал для американского Экономического института Леви обзор «Какова американская модель на самом деле? Мягкие бюджеты и кейнсианская деволуция».

Обзор Дж. Гэлбрейта-младшего создан в духе «описательной экономики» и посвящен анализу механизмов перераспределения финансовых ресурсов на федеральном и более низких уровнях для поддержания социальных гарантий местному населению. «Принятие рейгановского образа Соединенных Штатов не позволяет европейцам понять действительные причины американского бума..., — пишет он, — Теперь, когда стало ясно, что бум закончился, они вынуждены будут изменить свое мнение. Но более серьезные трудности переживают те европейские сторонники прогресса, которые, из-за своего ошибочного представления об американской модели оказались не в состоянии использовать действительные источники американского успеха»⁷.

Джеймс Гэлбрейт указывает на то, что роль высокотехнологичного сектора в обеспечении занятости в 1990-х годах сильно преувеличивалась общественным мнением: по «самым оптимистичным» оценкам 2008 г., в нем трудилось около 8% всей рабочей силы, однако за вычетом индустрии развлечений и средств массовой информации реальная цифра была близка лишь к 3%. А максимальное приближение к полной занятости и, соответственно, рост платежеспособного спроса на пике бума обеспечивались по большей части за счет местных бюджетов,

⁵ Skidelsky R. Keynes: The Return of the Master // London: Allen Lane, 2009.

Пер. на русский яз.: Скидельски Р. Кейнс. Возвращение Мастера // М., Юнайтед Пресс, 2011. См. так же рец.: <http://www.salon.com/books/feature/2009/09/24/keynes/print.html>.

⁶ Гэлбрейт Джон К. Экономика невинного обмана // М.: Европа, 2009.

О научной позиции Дж. К. Гэлбрейта см.: В. Н. Черковец «Новый социализм» Дж. К. Гэлбрейта // Вестник Московского ун-та, Серия 6. Экономика. 2018. № 1.

⁷ Гэлбрейт Джеймс К. Какова американская модель на самом деле? Мягкие бюджеты и кейнсианская деволуция // Логос. 2003. № 2. С. 13—29.

которые усиленно субсидировали жилищное строительство, образование и здравоохранение. В общем и целом, считает автор, более половины американской экономики в то время и позже функционировало за счет вливаний из бюджетов разного уровня, что помогало поддерживать на плаву и прочие сектора. «Своеобразие платежеспособного спроса в Соединенных Штатах, которое, по-видимому, ускользает от европейских наблюдателей, заключалось в том, что, хотя действия государственной политики во многом его породили или ему способствовали, они по большей части не отражены в государственном балансе. Это можно назвать кейнсианской деволуцией. Незаявленной осталась скрытая финансовая задолженность государственного сектора перед бизнесом и домохозяйствами. Они были новыми мощными кейнсианскими механизмами новой экономики в Соединенных Штатах, столь же необходимыми, каким был бюджетный дефицит для кейнсианской политики до того, как кредитные рынки достигли своего нынешнего масштаба»⁸. Однако автор указывает на то, что подобное «подталкивание» экономического роста имеет свои пределы, в длительной перспективе способствуя нарушению бюджетного баланса в секторе домохозяйств.

Прогноз Гэлбрейта-младшего пессимистичен: «американская модель» экономики входит в полосу глубокого финансового кризиса — что в скором времени и проявилось. Уже через несколько лет после публикации этого обзора обозначился угрожающий дисбаланс в сфере ипотечного кредитования: количество субстандартных закладных (subprime mortgages) в 2006–2007 гг. удвоилось⁹. И когда обесценение ипотечных долговых обязательств в США спровоцировало глобальный финансовый кризис, это вызвало целый вал журналистских расследований и аналитических материалов от экспертов, так или иначе связанных с прикладной или теоретической экономикой. Что интересно, оценки теоретиков и практиков временами значительно расходились.

Напомним, что спасение крупнейшей экономики мира — США осуществлялось далеко не рыночными методами: пакетами стимулирующих мер, выкупом «токсичных активов» и даже переводом под государственную опеку некоторых финансовых институтов, таких как «Фредди Мак» и «Фанни Мэй»¹⁰.

С одной стороны, это дало политическим активистам основание говорить о «социализме для богатых, капитализме для бедных», но с другой, по официальному признанию, принесло положительные результаты.

⁸ «Конечно, верно, что «мыльный пузырь» в информационных секторах стал последней составляющей в той комбинации, которая привела к большому американскому буму конца 1990-х, снизившему безработицу до уровня менее 4% на протяжении длительного периода благополучия, в то время как многочисленные молодые и производящие благоприятное впечатление новые игроки стали непомерно богатыми. Однако действительная роль этого сектора в таком успехе была столь же фантастически преувеличена, как и его стоимость на фондовой бирже». Там же. С. 24.

⁹ The State of Nation's Summary 2008, p.4. // Joint Center for Housing Studies of Harvard University, 2008.

¹⁰ "Призрак социализма" бродит по Wall Street / РИА Новости, 18.07.2008 <https://ria.ru/20080718/114285671.html>.

В то же время последователи М. Фридмана и разработанной им «монетаристской» теории возлагали вину за кризис 2007–2008 гг. на правительство США, напоминая о некоторых более ранних его распоряжениях, которые, по их мнению, «просто не оставили банкирам другого выхода», вынудив их к массовой скупке фактически безнадежных (как выяснилось позже) долговых обязательств¹¹.

В разгар «ипотечного кризиса» Гэлбрайт-младший подверг рекомендации монетаристов уничтожающей критике, напомнив о памятном провале известного эксперимента: «...С 1979 г. Федеральным Резервом официально перешел к установлению краткосрочных целевых показателей (*«краткосрочному монетарному таргетированию»*). — И.П.). Это повлекло за собой вереницу катастрофических последствий: 29-процентную учетную ставку, 60 процентное укрепление доллара, 11-процентную безработицу, экономический спад и деиндустриализацию на всем Среднем Западе, в т.ч. в Огайо, а также в Индиане, Иллинойсе и Висконсине, и в конце концов вызвало долговой кризис в Третьем мире. В августе 1982, столкнувшись с дефолтом Мексики и возмущением в Конгрессе (которому я активно способствовал как член Объединенного Комитета по экономике), Федеральный Резерв прекратил монетарное таргетирование и никогда больше к нему не возвращался». Ссылаясь на интервью газете «Файненшл Таймс», Дж. Гэлбрейт-младший отмечает, что и сам Фридман несколько пересмотрел свои позиции¹².

В прошлогодней беседе с алжирским журналистом М. Абдельмунином, опубликованной под заголовком «Политика бюджетной экономии — это догма, а не решение проблемы», Дж. Гэлбрейт-младший высказался еще более определенно.

«Журналист: «Можно ли сказать, что на наших глазах процесс распада капиталистической модели ускоряется?» Гэлбрейт: «Капиталистическая модель» распалась еще в 1930-х. То, что было создано в последующие 80 лет, — это смешанная модель, важной частью которой являются регулирующие и стабилизирующие элементы, позволившие системе эффективно функционировать и пережить «социалистическую модель». Когда социализм рухнул, возникла иллюзия, что капиталистическую модель можно восстановить, и это привело к нынешнему упадку нашей системы»¹³. Такой подход неявным образом отсылает к работам еще

¹¹ См.: Фридмен Дж. и Краус В., «Рукотворный финансовый кризис» // М. : ИРИСЭН; Мысль, 2012. (Серия «Экономика») ISBN 978-5-91066-055-1 (ИРИСЭН).

¹² «From 1979, the Federal Reserve formally went over to short-term monetary targets. The results were a cascading disaster: twenty-percent interest rates, a sixty percent revaluation of the dollar, eleven percent unemployment, recession, deindustrialization through the Midwest including here in Ohio, and in Indiana, Illinois and Wisconsin, and ultimately the debt crisis of the Third World. In August 1982, faced with the Mexican default and also a revolt in Congress — which I engineered from my perch at the Joint Economic Committee — the Federal Reserve dumped monetary targeting and never returned to it». — *The Collapse of Monetarism and the Irrelevance of the New Monetary Consensus. 25th Annual Milton Friedman Distinguished Lecture at Marietta College, Marietta, Ohio March 31, 2008*; Friedman himself conceded to the *Financial Times* in 2003: "The use of quantity of money as a target has not been a success. I'm not sure I would as of today push it as hard as I once did." — *Financial Times* (UK), June 7, 2003.

¹³ "Austerity Is a Theology, Not a Solution". — *American Herald Tribune* 02 Jan. 2018 г. <https://ahtribune.com/economy/2080-james-k-galbraith.html>.

одного известного автора первой половины XX в. — одного из классиков «левой» общественной мысли, К. Поланьи, чья популярность на рубеже нового тысячелетия также заметно возросла¹⁴.

Интересно, что предисловие к очередному переизданию его фундаментальной работы «Великая Трансформация...»¹⁵, осуществленному в США с почти полувековым перерывом, написал другой известный критик апологии государственного невмешательства в экономику — лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц. Последний указывает на то обстоятельство, что «Великая Трансформация...» появилась еще до того, как современным экономистам удалось выявить ограничения рыночной саморегуляции, однако книга Поланьи созвучна темам, поднятым участниками антиглобалистских выступлений 1999–2001 г.г., протестовавшими против политики международных финансовых организаций. Причина проста: в наше время в развивающихся странах происходит такая же трансформация общества и экономики, какая имела место в странах европейской культуры несколько десятилетий назад.

«Сегодня, — пишет в предисловии Дж. Стиглиц, — не существует солидного обоснования предположению, что сами по себе рынки приводят к эффективности, не говоря о равноправии. Каждый раз, когда информация оказывается неполной или рынки — несовершенными, то есть, почти всегда, существует *принципиальная* возможность улучшить распределение ресурсов за счет вмешательства [государства в экономику. — И.П.]. В целом мы перешли на более сбалансированную позицию, признав как возможности рынков, так и свойственную им ограниченность, и необходимость сильного государственного воздействия на экономику, хотя пределы этого воздействия остаются спорными. Существует общее согласие относительно важности, например, государственного регулирования фи-

Mohsen Abdelmoumen: Can we say that we are witnessing an acceleration of the decline of the capitalist model?

Galbraith : The "capitalist model" collapsed already in 1930. What was built up in the intervening eight decades was a mixed model, with a large stabilizing and regulatory element, which permitted the system to function effectively and to outlast the "socialist model." The illusion that a capitalist model could be restored came to the fore as socialism declined, and that is responsible for the present decline of the system.

¹⁴ <https://www.newstatesman.com/politics/economy/2015/10/free-market-theres-no-such-thing>
<https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2014/07/18/the-free-market-is-an-impossible-utopia/>.

¹⁵ Polanyi K. The Great Transformation The Political and Economic Origins of Our Time // BEACON PRESS, Boston, 2001, p.viii.

«Polanyi wrote *The Great Transformation* before modern economists clarified the limitations of self-regulating markets. Today, there is no respectable intellectual support for the proposition that markets, by themselves, lead to efficient, let alone equitable outcomes. Whenever information is imperfect or markets are incomplete—that is, essentially always—interventions exist that in principle could improve the efficiency of resource allocation. We have moved, by and large, to a more balanced position, one that recognizes both the power and the limitations of markets, and the necessity that government play a large role in the economy, though the bounds of that role remain in dispute. There is general consensus about the importance, for instance, of government regulation of financial markets, but not about the best way this should be done».

На рус.яз.: Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени // СПб.: Алетейя, 2002. ISBN 5-89329-532-3.

нансовых рынков — но не относительно наилучших способов его осуществления».

В несколько упрощенной форме подобный же взгляд коротко изложил единомышленник Дж. Стиглица по многим вопросам, проф. Кембриджского Университета Чхан Ха-Джун¹⁶ в одной из своих популярных и несколько провокативных работ: «Заработная плата в богатых странах в большей степени определяется иммиграционным контролем, чем каким-либо другим фактором, включая любые законы о минимальной заработной плате. Как определяется иммиграционный максимум? Не «свободным» рынком труда, в котором, если дать ему волю, рано или поздно 80–90% местных работников сменят более дешевые, а зачастую и эффективнее работающие иммигранты. Иммиграцию, по большей части, определяет проводимая в стране политика... После финансового кризиса 2008 г. во многих странах цена кредита (если вам удастся его получить или если у вас уже есть кредит с плавающей процентной ставкой) существенно понизилась благодаря постоянно-му снижению процентной ставки. Произошло ли это потому, что люди внезапно расхотели брать кредиты и банкам пришлось понижать цены, чтобы стимулировать клиентов? Нет, таков был результат политического решения повысить спрос путем урезания процентных ставок... Иными словами, проценты также определяются политикой. Если зарплаты и процентные ставки в значительной степени политически обусловлены, то политически обусловлены и остальные цены, поскольку они связаны с зарплатами и процентными ставками»¹⁷.

За несколько десятилетий интеллектуального господства сторонников теории «свободного рынка» был накоплен большой эмпирический материал, связанный с перемещением ряда промышленных отраслей из США и Европы в страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, с развитием банковского сектора в этом регионе и с методами восстановления экономики после масштабных «провалов рынка» в 1997–1998 гг. (активное участие в сборе данных приняли и международные организации). К его обобщению и систематизации приложил много усилий Дж. Стиглиц¹⁸,

¹⁶ Ha-Joon Chang . Joseph Stiglitz and the World Bank: the rebel within (collection of Stiglitz speeches) (Anthem; 2001).

¹⁷ Ha-Joon Chang 23 *Things They Don't Tell You About Capitalism*.- London-New York, Penguin Books, 2010 .

Thing 1. Piano wires and kungfu masters.

"Wages in rich countries are determined more by immigration control than anything else, including any minimum wage legislation. How is the immigration maximum determined? Not by the 'free' labour market, which, if left alone, will end up replacing 80–90 per cent of native workers with cheaper, and often more productive, immigrants. Immigration is largely settled by politics.... Following the 2008 financial crisis, the prices of loans (if you can get one or if you already have a variable rate loan) have become a lot lower in many countries thanks to the continuous slashing of interest rates. Was that because suddenly people didn't want loans and the banks needed to lower their prices to shift them? No, it was the result of political decisions to boost demand by cutting interest rates... In other words, interest rates are also determined by politics. If wages and interest rates are (to a significant extent) politically determined, then all the other prices are politically determined, as they affect all other prices".

¹⁸ Джозеф Стиглиц. Глобализация и ее негативные последствия / Joseph Stiglitz. Globalization and its discontents // Great Britain: Allen Lane The Penguin Press, 2000.

занимавший в 1995–1997 пост Председателя Совета экономических консултантов при Президенте США, а в 1997–2000 гг. — пост главного экономиста Всемирного банка. Как ученый он впервые завоевал известность своим фундаментальным трудом «Экономика госсектора» и сейчас является одним из наиболее заметных и в то же время наиболее компетентных критиков деятельности МВФ. Учитывая собственный опыт работы в администрации Билла Клинтона, он в своих многочисленных трудах подробно проанализировал комплекс мер, принятых в период правления этого президента, и их роль в росте экономического дисбаланса, с последующим образованием финансовых пирамид («пузырей»)¹⁹. Практически все крупные изменения в глобальной экономике и в экономике США удостоились его пристального внимания.

Некоторые из книг Дж. Стиглица, переведенные на русский язык, вызвали в нашей стране большой интерес и в основном были оценены положительно.

Особенно важной с точки зрения глубины и остроты затронутых тем представляется написанный им в 2010 г. аналитический обзор последнего по времени кризиса, в котором автор настаивает на необходимости корректировать приоритеты государственной политики для достижения устойчивости экономического развития в глобальном масштабе²⁰.

Рассматривая два комплекса антикризисных мер, разработанных в рамках двух разных экономических направлений, он противопоставляет политику невмешательства либо сокращения бюджетных расходов, предлагаемую «монетаристами», политике бюджетного стимулирования экономики (обозначая их как, соответственно, «гуверовскую» и «кейнсианскую» точки зрения). Он напоминает о негативных последствиях применения «гуверовского» подхода Международным Валютным Фондом на рубеже тысячелетий в странах Восточной Азии, Латинской Америки и в России и сравнивает их с ситуацией, создавшейся в ходе «ипотечного» кризиса в США: «Контраст между тем, как власти отреагировали на кризис в Восточной Азии, и их реакцией на американский кризис, очевиден и не остался незамеченным. Чтобы вытащить Америку из ямы, в которую она угодила, страна пошла на масштабное повышение расходов и на гигантский рост дефицита бюджета, а вот процентные ставки в этот период времени были снижены до нуля. Банки спасали активно и повсеместно»²¹.

См. так же рецензию: О.Т. Богомолов. Экономическая глобализация: Критический анализ (к выходу книги лауреата Нобелевской премии, профессора Джозефа Стиглица / Joseph E. Stiglitz, *Globalization and its Discontents*, 2002) // Проблемы прогнозирования, № 4, 2003. С. 22–33.

¹⁹ Stiglitz J. The Roaring Nineties. Seeds of Distruction // W.W. Norton & Company, NY, L. 2003, в рус. пер. — Джозеф Е. Стиглиц «Ревущие девяностые. Семена развала» // М.: Современная экономика и право, 2005. См. также рецензию А.И. Кузовкина: «Ловушки для экономики Америки и мира» в журнале // Проблемы прогнозирования, № 4, 2006, С.53–64.

²⁰ Stiglitz J. Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy // N. Y. ; L.: W. W. norton&company, 2010. В русском переводе: Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса // М.: Эксмо, 2011. См. также обзор Макашевой Н.А. в РЖ ИНИОН РАН (Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика). № 4, 2011. С. 10–15. Стиглиц Д. Свободное падение: Америка, свободные рынки и просевшая мировая экономика.

²¹ Стиглиц Дж. Крутое пике / Глава 8. От глобального восстановления к глобальному процветанию // М.: Эксмо, 2011.

Ссылаясь на опыт азиатских стран, Стиглиц подчеркивает, что самых впечатляющих успехов достигли те государства, в которых правительства играли активную роль, сочетая развитие рыночных механизмов с государственной поддержкой предпринимательства и созданием «сети безопасности» для самозанятого населения (например, Сингапур, Корея, Малайзия) и таким образом увеличили доходы населения в несколько раз. Экономические гиганты евразийского континента — Индия и Китай также последовали рекомендациям МВФ лишь частично, чем предотвратили углубление спада и ускорили выздоровление своих экономик.

Все дело в том, отмечает он, что по ходу нарастания и спада деловой активности внутри бизнес-циклов развитые страны могут позволить себе контрциклическую политику снижения налогов и процентных ставок и повышения бюджетных расходов — а бедные страны, нуждающиеся для преодоления рецессии во внешних займах, не могут. Они вынуждены действовать проциклически, дополнительно ухудшая ситуацию у себя в стране, что ведет к ужесточению условий кредитования.

Надо сказать, что в своих выводах автор «Крутого пике» не одинок. И в прессе, и в специальной литературе неоднократно высказывалось распространенное мнение о том, что кризисы рубежа XX—XXI столетий выявили неспособность «классической» экономической теории к предсказанию подобных явлений и склонность ее представителей к отрицанию уже ясно обозначившейся тенденции в начале ее развития²².

Это делает невозможным предотвращение социальных бедствий, возникающих в результате обвального падения национальных валют, банкротства финансовых институтов и сокращения занятости. Одной из причин упомянутой неспособности является не только глобализация, но и само по себе усложнение экономик развитых стран, трансформация рынков и финансовой сферы, отчуждение собственников от управления собственностью и образование мощной социальной прослойки агентов, т.е. лиц, принимающих решения от имени владельцев компаний и акционеров и таким образом направляющих финансовые потоки в соответствии с личными целями. Это усиливает несовершенство рынков и информационную асимметрию, для компенсации которых необходимо вмешательство государства.

«Одной из ключевых функций государства является составление правил и назначение рефери, — говорит Стиглиц. — В качестве таких правил выступают законы, которые регулируют рыночную экономику. В качестве рефери выступают регуляторы и судьи, которые помогают применять и толковать законы. Но старые правила, даже если они хорошо зарекомендовали себя в прошлом, не являются подходящими для двадцать первого века»²³.

Оценка Дж. Стиглицем гос. экон. политики в некоторых развив. странах изложена в: Stiglitz, Joseph E.; Yusuf, Shahid (2001). *Rethinking the East Asia miracle*. Washington, D.C. New York: World Bank. Oxford University Press. ISBN 9780195216004.

²² См. например: Raghuram Rajan. Why the experts failed to foresee the crisis // The National (UAE), February 9, 2011. <https://www.thenational.ae/business/why-the-experts-failed-to-foresee-the-crisis-1.575212>.

²³ Стиглиц Дж. Крутое пике / Гл.7. Новый капиталистический порядок. Меняющаяся роль правительств // М.: Эксмо, 2011.

Суммируя рекомендации Стиглица разных лет, можно сказать, что среди приоритетных направлений деятельности государственных органов, по его мнению, безусловно должны присутствовать:

- сохранение полной занятости и стабильной экономики;
- содействие инновациям;
- обеспечение социальной защиты и страхования;
- недопущение эксплуатации.

Что касается конкретных методов реализации этих задач, то в каждом конкретном случае, по мнению Стиглица, необходим индивидуальный подход с учетом особенностей исторического момента и возможностей конкретной страны.

Противники «рейганомики» и политики «затягивания поясов» как мер по оздоровлению экономики в США и Европе основной причиной стагнации доходов среднего класса считают сокращение инвестиций в реальный сектор и сопутствующее сокращение рабочих мест вследствие неумеренной погони руководства крупнейших корпораций за прибылью, обусловившей процесс переноса производств в страны с дешевой рабочей силой. В то же время участники т.н. «движения чаепития» в США, порожденного кризисом 2008 г., видят главное зло в «большом правительстве», которое частные лица используют для перекладывания расплаты за собственные промахи на плечи налогоплательщиков, как это произошло с руководством разорившихся банков «Мерил Линч» и др.²⁴.

То есть выступления в пользу дерегуляции также имеют место, хотя не всегда звучат убедительно. В частности, с Дж. Стиглицем успешно полемизировали Дж. Фридмен и В. Краус, которые в своей книге «Рукотворный финансовый кризис» указали на ряд противоречивых шагов, предпринятых правительством США в период назревания кризиса и нацеленных на его предотвращение, но, по факту, лишь ухудшивших ситуацию.

Надо сказать, что уже на следующий год в США был принят т.н. закон Додда-Франка, серьезно ограничивающий деятельность финансовых институтов. Как полагают, он должен предотвратить принятие финансовыми учреждениями несоразмерных рисков и недобросовестные манипуляции со средствами вкладчиков.

Весьма показательно, что моральный аспект происходящего привлек большое внимание не только общественности и журналистов, но и достаточно успешных практиков. Его отмечали в своих выступлениях и «кейнсианцы», и «либертарианцы». Например, свое веское слово сказал бывший глава в высшей степени успешного инвестфонда «Вэнгард» Джон Богл, по сути дела, солидаризирующийся в данном вопросе с С. Мелманом, Дж. Стиглицем и обоими Гэлбрейтами. Как и они, Богл напоминает о том, что для устойчивого роста экономики и успешного

²⁴ См. например: Woods T. *Meltdown: A Free-Market Look at Why the Stock Market Collapsed, the Economy Tanked, and Government Bailouts Will Make Things Worse* Regnery Publishing 2009) ISBN 1-5969-8587-9 & ISBN 978-1-59698-587-2.

функционирования рынков капитала необходимо общественное доверие, к настоящему моменту сильно подорванное крахом целого ряда крупнейших компаний вследствие (как показало расследование их деятельности) их собственной близорукой политики и финансового авантюризма.

«В последние годы XX в. центр тяжести в деятельности институциональных инвесторов сместился с мудрости долгосрочного инвестирования на безрассудство краткосрочных спекуляций. Мы вступили в эпоху инвестирования на ожиданиях, где главный ориентир инвесторов — рост корпоративных прибылей, а конкретно — публикуемые прогнозы по прибылям и способность компаний достичь этих показателей всеми правдами и неправдами. Более того, сегодня объявленные прибыли превратились в продукт финансового инжиниринга, служащего краткосрочным интересам руководства компаний и аналитиков по ценным бумагам с Уолл-стрит»²⁵.

Необходимо отметить, что никто из названных авторов не является ни принципиальным противником рынка как такового, ни сторонником системы централизованного планирования и распределения. Их отношение к советскому эксперименту и его наследию также различно. Но, как показывает поспешное принятие закона Додда-Франка, призывы к усилению общественного надзора и государственного регулирования, по крайней мере, финансовой сферы, были федеральными властями услышаны и восприняты со всей серьезностью.

В связи со всем вышесказанным нам кажется симптоматичной тенденция к переосмыслению базовых представлений экономической науки (или, точнее, — ее преобладающего течения) в контексте смежных наук — социологии, социальной психологии, политологии, культурологии. Как представляется, будущее все же за комплексным подходом, без отрыва действующих сил от культурного, географического и временного контекста и без сведения всего многообразия экономической деятельности к набору формул.

²⁵ Боул Дж. Не верьте цифрам! / Деградация ценностей деловой и инвестиционной культуры // М., Альпина Диджитал, 2011. С.128.